

Т. С. ЖУМАГАНБЕТОВ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВ НОМАДНОГО ТИПА

Изучение проблемы номадного государства распадается на две неравные подпроблемы: «государство» и «номады». Если в вопрос о номадах этнографами и историками на данный момент внесена определённая ясность, то вопрос о «государстве» распадается на огромное количество направлений и аспектов. По сути это категориальная величина. Один из примеров такого направления изложены у Ю. В. Любимова, который считает, что на данный момент изучения этого предмета, в семантическом плане, «государство» можно разделить на два понятия: «... государство, как исторически устоявшаяся система самоорганизации общества, и государство, как надстроечная (институционализованная) часть социально-политической системы. В первом случае речь идёт о специфическом состоянии общества (субъекта истории), которое может быть названо одной из форм его существования или, в частном случае, государством. Во втором – о «продукте» общественного развития», т.е. о бюрократическом аппарате, администрации, чиновничестве [1, с. 144].

В силу сложившихся обстоятельств второе семантическое значение понятия «государство» считается традиционным. Г. В. Мальцев называет это направление в науке о государстве и праве «политико-монистической позицией» [2, с. 128]. Содержание этой позиции можно проиллюстрировать через труды ряда учёных этого направления. В. М. Колдаев, которого по научным убеждения можно отнести к этой позиции, подходит к вопросу о сущности государства через понятие «государственная власть», которая, по его мнению, выражается в государственном руководстве обществом «... осуществляемое при помощи специально организованного государственного аппарата и опирающееся как на убеждение и общественное принуждение, так и на средства государственного принуждения» [3, с. 7]. Наиболее выпукло данная позиция отражена у А. П. Бутенко: «С возникновением частной собственности и эксплуатации, эксплуататоров и эксплуатируемых, к общим функциям управления с целью поддержания повседневной жизни общества прибавилась функция держания в узде

эксплуатируемых с помощью государства» [4, с. 21], а также у В. С. Петрова, автора специально исследования по данной проблеме. По мнению последнего, государственная власть – это форма существования общественной власти, ее историческая разновидность [5, с. 21], «государство присуще обществу лишь на определенных этапах его развития». Это явление классового общества и орган классового господства при этом, это «саморегулирующая система, обладающая также и внутренними собственными источниками движения» [5, с. 33]. Форма государства, по мнению исследователя, «определяется экономическими условиями жизни всех классов общества» [5, с. 114].

Помимо причин возникновения государства в данных определениях есть и непосредственная характеристика этого явления: классы, социальное неравенство в обществе, эксплуатация, насилие класса над классом, и т.д. Данная традиционная позиция имеет на данный момент своих научных оппонентов. Ещё в эпоху СССР отдельными исследователями, которые занимались докапиталистическими обществами были подвергнуты ревизии отдельные положения из официальной научной доктрины, в том числе, о классовом обществе и частной собственности как условиях возникновения государственной организации и т.д. Материалы о средневековом Западном Судане, Буганде и по целому ряду других древних и средневековых обществ достаточно обосновано подвергали сомнению эти положения [6, с. 26].

Современная историко-правовая наука пытается отойти от позиции отождествления «государства» с отдельными государственными институтами и с жесткой привязкой к государству понятия «право». В философии права власть рассматривается достаточно широко. По мнению Г.-С. von Unruh «Государство – это диалектическое единство фактических и нормативных данных власти и права» [7]. Властные отношения носят, по мнению Малахова, универсальный характер, а «государственная власть – лишь одна из форм власти» Елеманова А.М. характеризует государственную *власть* «... как способность и возможность человека (или группы людей) осу-

ществлять свою волю с целью удовлетворения интересов и потребностей, при которой возникают отношения «господство-подчинение», с помощью какого-либо средства [8, с. 82]». Исходные причины власти «в объективном ходе социогенеза, где кристаллизуется и закрепляется специализированный механизм регулирования поведения людей (индивидов) [8, с. 83]».

Наиболее точно современную проблему сущности категории «государство» формулирует М. Н. Марченко «Неоднозначность восприятия государства – его сути, представления о нем, о его понятии, роли и назначении, обусловлена, прежде всего, самим временем, в рамках которого оно возникает и развивается, а следовательно, уровнем развития общества, общественного сознания и мышления» [9, с. 124]. Он предлагает наиболее продуктивный анализ этой категории через исследуемую эпоху.

Еще Н. Н. Алексеев в своей работе, (опубликовано в Париже 1931 г.) с точки зрения государственника, анализирует современные ему теории государства. Он отмечает, что договорная теория государства, германская нормативная теория государства с идеями «... о народном суверенитете, не отчуждаемых правах, самоуправление народа и т.п.» утратили идею власти, а тем самым идею государств. По мнению Н. Н. Алексеева новым результативным направлением для выхода из создавшегося тупика мог быть марксистская теория о государстве. Положительным моментом этой теории было отход от безличного отвлеченного права индивида к конкретным слоям, классам современного общества. Однако, увлечение К. Маркса социальными теориями и в частности его мысль о том, что при социализме государственная организация будет не нужна обществу, сужение понятие государства до «аппарата классового принуждения» стало причиной «своеобразной утратой чувства государственной реальности у социалистов». Н. Н. Алексеев приходит к выводу, что, в конечном счете «... государство есть сумма реальных общественных отношений, а не совокупность юридических норм и субъективных прав». Последнее утверждение наиболее емко характеризует существо рассматриваемого вопроса.

Видным представителем психологической теории о государстве являлся проф. Н. В. Устрялов (Харбин). По его мнению «Государство есть, прежде всего, союз власти и подчинения». Он

считает, что «Власть есть основной и первичный элемент государства». Продолжая логический эту мысль, он приходит к выводу, что «Власть неизбежно покоится на добровольном повиновении». Он не верит в вооруженную опору власти, он считает опора власти «не физическая сила, не пушки и не кулаки, а души человеческие». Суть его теории можно обозначить его же словами, – «Корни власти лежат глубоко в тайниках в человеческих психики» [10, с. 13]. Для нашей гипотезы важен основной тезис Н. В. Устрялова о ментальном составляющем государственной власти. Он еще тогда пытался уйти от отождествления государства с государственным аппаратом.

Из современной научной литературы интересны взгляды авторов предисловия к сборнику «государство в истории общества», которые предупреждают от «...отождествления государства и государственного аппарата, администрации...» противопоставлении понятий ««родового» и «государственного», «государственного» и «общинного»...» [11, с. 4]. Суммируя вышесказанное мы пришли к выводу, что по второй позиции работают историки права специализирующихся на странах Азии и Африки или на докапиталистическом периоде. Происходит это, по нашему мнению вследствие того, что традиционная, устоявшаяся точка зрения на государство не удовлетворяло и продолжает не удовлетворять тех исследователей, которые занимаются изучением несовременного общества и несовременного государства. При этом обе позиции взаимосвязанны. Исключение из анализа «государствогенеза» соответствующих систем управления обществом делает проблему выхолощенной, бессмысленной. Видимо, речь идет, прежде всего, о критериях и об угле зрения на предмет исследования.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что в большинстве гипотез о сущности и содержании категории «государство» есть рациональное зерно необходимое, для того чтобы найти подходы к проблеме средневекового государства на пространстве Центральной Азии. В этом плане, если мы уберем формационную составляющую типов государства, остается проблема *ранних государств*, куда можно отнести большинство исторических государств древности и средневековья. Предмет исследования характеризуется сочетанием в основных признаках этих государств черт пре ведущей эпохи. Но так ли это на самом деле? Где черта между государ-

ственными институтами в обществе и государственными институтами, составляющими государство.

По этой проблеме есть работы целого ряда историков и теоретиков права, которые разрабатывают данное социально-политическое явление как *раннее государство* или *государственные образования* добуржуазных обществ (на конкретных материалах). С этой позиции интересны работы таких юристов как Г. В. Мальцев, Т. В. Кашанина, М. А. Супатаев, И. Е. Сеницына, Н. Б. Кочакова и др.

Один из основных вопросов в этой проблематике отметила И. Е. Сеницына: «к сожалению, исследователи не всегда могут установить ту тонкую грань, которая отделяет заключительный этап классового образования от первых шагов уже возникшей государственности, хотя эти различия имеют принципиальный характер» [12, с. 11]. Исследователь обращает внимание на важный аспект генезиса государства, – сочетание социальных процессов с политическими.

У Т. В. Кашаниной данный вопрос выглядит более детализировано. Она видит процесс трансформации власти родовых вождей во власть государственную 1) через «... количественный рост лиц, осуществляющих власть», 2) через дифференциацию «политической элиты по уровням» и разграничении компетенции между уровнями органов управления, 3) через функциональную дифференциацию власти, 4) институализацию органов управления, 5) выделение самостоятельных органов принуждения, 6) через коренную трансформацию в сфере идеологии, 7) расширение сферы «... деятельности публичной власти» и последний признак 8) «... власть концентрируется в городах» [13, с. 128] (104, с. 39-42).

Д. Н. Лелюхин суммируя все основные критерии, выделенные приведенными исследователями, исходя из традиционной характеристики государства по основным признакам, применительно для древних и раннесредневековых государств, выделяет три признака:

– «наличие публичной власти, отождествляющейся с администрацией, чиновничеством, или «бюрократией», возглавлял которую, как считалось, царь – глава государства;

– Переход от кровно-родственных отношений к территориальным связям, прямо сводившейся к разделению центральной властью территории государства и подданных по особым админист-

ративно-территориальным подразделениям, которыми управляли присланные из центра чиновники; – существование налогов и налогообложения служащих цели содержания этой власти» [14, с. 8]. Эти признаки, по его мнению, являются на данный момент главными при отличии государственных образований от негосударственных.

Признаки раннего государства, достаточно подробно и обосновано изучены Г. В. Мальцевым, который характеризует наш объект изучения следующими признаками: публичность власти, как результата политической интеграции ряда союзов племен; наличие фискальной системы в форме данничества; формирование слоя проточинювников помогающих царю выполнять функции управления. В раннем государстве, по его мнению, родовые старейшины являются оппонентами царя, само государство лишь изредка вмешивается в правовую сферу. Глава государства практически не обращается к законодательной деятельности, а предпочитает «подправлять» традиционное обычное право [15, с. 119–121; 16, с. 49–50].

Приведенные признаки являются ориентирами для изучения государственных и правовых институтов у древних тюрков в VI–VIII вв. Мы изучаем объект нашего исследования в динамическом развитии, поэтому охарактеризовать теоретическую составляющую одной-двумя гипотезами практически невозможно. Для решения поставленной перед монографическим исследованием целей и задач необходимо рассмотреть фактологические материалы, что позволит точнее определиться с сущностной характеристикой такого понятия как государство кочевнического типа и государство древних тюрков в VI–VIII вв.

В среде гражданских историков предметно занимающихся отдельными аспектами данной большой проблематики утвердились в основном три позиции, основанных на понятии «государства» утвердившихся в общественных науках.

Первая позиция в своих основных чертах сформировалась к 60–70 гг. XX века.

Показательна в этом отношении монография Н. Н. Крадина, известная исследователям еще по депонированному списку. Эта работа является одной из самых последних в этом направлении. Так, по мнению Н. Н. Крадина, в кочевых социумах отсутствуют предпосылки для появления стабильного прибавочного продукта и образования антагонистических классов, а это означает, что

нет никаких посылок для зарождения государства. «Образование государства происходило только в случае слияния кочевников с земледельцами в одну общественную структуру» [17, с. 127], – пишет он.

В. Б. Попов, обзревая тюркские государства средневековья, придерживается мнения о том, что экономической основой, например, Хакасского (раннесредневекового кыргызского каганата) государства, Хазарского кагана и других государств были земельные отношения. «Аппарат принуждения», по его версии, в виде объединения государственных толка имеет одну цель: подчинить и эксплуатировать соседние племена, а настоящее государство с развитыми классовыми отношениями возможно лишь при полной интеграции кочевого и земледельческого населения. В данной интеграции доминирует земледельческая экономика: «утрата владычества над земледельческими районами приводит к архаизации их (кочевнической – Т. Ж.) общественной жизни и последующему падению» [18, с. 162].

Ю. В. Павленко, касаясь в своей работе кочевых обществ, также отмечает, что кочевники при самостоятельном развитии, вне постоянных контактов с соседними цивилизациями, без включения даннической эксплуатации оседло-земледельческих обществ или частичного оседания и появления городских центров на их территории, не могут выйти на уровень даже раннеклассовых отношений, а значит и на уровень, на котором формируются государственные образования. Предполагается, что кочевники вплетаются в готовую ткань государственно-административных отношений оседлых аграрных социумов. В отношении других причин автор выделяет фактор внешней военной опасности, который является одним из важных стимуляторов процесса консолидации и, в свою очередь, «способствует появлению сложных социальных организмов» [19, с. 115]. Укрепление центральной власти при этом процессе способствует обособлению военной знати, а данная прослойка общества «неизбежно связана с концентрацией значительных материальных ресурсов в руках центральной власти» [19]. Допуская теоретически, что государства у кочевых скотоводов могут появляться и существовать, А. М. Хазанов отказывает кочевникам в появлении у них государства «... только лишь в результате внутреннего развития». Причины появления потребности в государственных инсти-

тутах у кочевников так же как и у приведших историков: завоевания оседлых областей и стран, т.н. адаптация второго рода к «...экономическим, социополитическим и культурным условиям внешнего мира» [20, с. 363].

Данные гипотезы имеют единую базу и в целом смыкаются с политико-монистической позицией историков права. В основе этой позиции лежит убеждение, что государство у кочевников возможно только в сочетании с оседлостью, седентаризацией или в союзе с земледельческими центрами, т.е. они не могут выработать самостоятельно достаточно развитые государственные институты на базе только пастбищно-кочевого животноводства.

Вторая позиция обоснована в основном этнологами. По их мнению, государство у кочевников «вырастает» из племени, сохраняя при этом прежние черты родового строя. Совокупность взглядов рассматривающих политогенез через данный социальный институт получило в научной литературе название теории «племенных государств». Так, С. М. Абрамзон считает, что государство у кочевников сливается с их военной организацией, призванной защищать членов рода, племени, их имущество от посягательств извне или для нападения на другие племена, «племя становится главным звеном этой организации» [21, с. 63]. Такое государственное объединение характеризуется, по его мнению, переходностью, недоразвитостью государственных институтов у кочевых скотоводов.

Л. П. Лашук, прослеживая закономерности становления государственных институтов у кочевников, отмечает такие детали, как разрастание и укрепление родственных племен (видимо вначале на основе хозяйственной интеграции), вступление их в союзные или подчиненные отношения друг с другом, инициатива отдельного «аристократического» рода в сколачивании более прочной конфедерации под авторитетным началом. «Главной целью этой зарождающейся государственной власти было расширение сферы ее политического влияния на соседние страны и народы, и возложение на них даннических отношений» [22, с. 34]. По его мнению «Тюрк иль», монгольский «улус», традиционно в научной литературе связываемые с государством, стоят в одном ряду с обозначением такого выделенного им социально-политического явления, как «большие племена» [22, с. 34].

Интересную гипотезу относительно обсуждаемой темы предлагает Л. С. Васильев, который считает, что простое механическое разрастание сегментарной этнической общности не меняет его качественного развития» [23, с. 71]. и не ведет к появлению стабильного надобщинного политического лидерства. Положение может резко измениться с появлением внешней угрозы, но при её исчезновении все приходит в свои рамки. Однако если такого рода «угроза» оказывается постоянной (а такое может быть лишь в условиях, когда рядом с данной этнической общностью возникает уже сложившаяся надобщинная политическая структура), может возникнуть эффект трайбализации, смысл которого в том, что под угрозой извне аморфная общность конституируется в племя с уже заметными чертами и признаками устойчивой надобщинной власти вождя, а это, в свою очередь, ведет к возникновению протогосударства – чифдома» [23]. По его мнению, племя в отличие от рода является таким протогосударством, так как имеет другую, негенеалогическую кровнородственную основу.

А. И. Першиц, полемизируя с Л. С. Васильевым об известной теории «чифдом – протогосударство», считает подобные объединения лишь «формой социально-экономической организации и организации власти в эпоху далеко зашедшего разложения первобытного общества» [24, с. 67], при этом данная форма имеет консервативные и обратимые последствия. Теоретическое обоснование излагаемой теории приводит В. Г. Луконин. «Специфика кочевого скотоводства с его неизменными в течение тысячелетий условиями ведения хозяйства обуславливала своеобразный, постоянно повторяющийся в основных чертах ритм жизни общественного развития. Экстенсивное использование пастбищных земель неизбежно вело к завоеваниям и нашествиям, к захвату более сильными племенами владений своих соседей. Племенные объединения, осуществлявшие такие завоевания, находились на стадии военной демократии, с вождями и племенной знатью во главе. В результате нашествий возникали громадные кочевые «империи» с весьма непрочной экономической и социальной базой и недолгим периодом существования» [25, с. 12].

Неоднозначно к этой проблеме подходит Н. Э. Масанов. Исследуя производительные силы и производственные отношения нomaдизма, он постепенно приходит к выводу о том, что

для регламентации всего спектра общественной жизни кочевники формируют разнообразные социальные институты. На практике это различные виды патронимической организации кочевого социума и военно-потестарной организации. Понятием «государство» автор сознательно не пользуется, а заменяет его более расплывчатым сочетанием слов: «интеграция социальных организмов» [26, с. 144–145] в «иерархически взаимосвязанные функционально – структурные образования» [26, с. 150]. Данная межплеменная кооперация должна была «регулировать посредством социокультурных норм, и в том числе генеалогического родства, системы внешнеэкономического военно-потестарного и социокультурного взаимодействия индивидов и обеспечивать их обобщенную соорганизацию и скоординированную деятельность, направленную на достижение общих социальных целей» [26, с. 150]. В этой системе патронимия «осуществляла регламентацию многообразных процессов общественной жизни посредством генеалогической идентификации индивида либо группы» [26, с. 150]. С некоторым «допуском» Н. Э. Масанова так же можно отнести к сторонникам племенного государства.

Третью позицию на характер и содержание государства и права у нomaдов представляют в основном труды национальных историков и правоведов (по совокупности мнений и позиций высказанные в разных публикациях) Б. Е. Кумекова [27], К. А. Акишева [28], К. А. Пищулиной [29], С. Г. Сапаргалиева, С. З. Зиманова и других. Они обращают внимание на своеобразие нomaдного общества, а также на многочисленные факты, накопленные в истории и доказывающие достаточно высокую степень развития государственно-политических структур в отдельных кочевых обществах. Основная аргументация и обоснование наличия государственной организации проходит через подбор и сопоставление аналогов отдельных государственных институтов у кочевников с европейскими образцами. Например, С. Г. Кляшторный не отрицает наличие государственных институтов у древних тюрков, но при этом характеризует эту государственность как находящуюся на «высшей ступени варварства», очевидно подразумевая энгельсовскую теорию о периоде дикости, варварства и цивилизации [30, с. 16]. Схожая точка зрения у Р. В. Golden-a, который в своих работах сделал очень много для анализа каждого государственного института

древних тюрков и хазар. Он сравнивает образцы тюркской государственности с теоретическим европейским образцом: “верховенство в применении силы в решении общественных проблем”, система сбора налогов с территории, государственные правила и формы регулирования общества, создание излишков для поддержки госаппарата, государственное объединение не базируется на связях родства и т.д. С этих позиций Р. В. Golden относит тюркскую государственность к категории «ранних государств» [31, с. 32–33]. Сильной стороной данных историков является то, что их представители опираются на конкретно-исторический, а не на общий материал. Например: Б. Е. Кумекоев специалист по кимакам и кыпчакам, С. Г. Кляшторный по древним тюркам, Р. В. Golden по хазарам и т.д.

К четвертой позиции по данному вопросу можно отнести исследователей, которые пытались решить данный вопрос в рамках формационной теории. В 30 гг. XX века это теория Б. Я. Владимирцова о кочевом феодализме [32]. На казахстанский материал эту теорию перевел С. Асфендияров, а в 50 гг. XX века появилась теория «патриархального феодализма» в рамках известной дискуссии о социально-экономическом строе обществ Центральной Азии [33]. Суть теории в обосновании феодального характера государств у кочевых обществ Казахстана, но с некоторой спецификой. Специфика заключалась в том, что при наличии антагонистических классов и классовой борьбы и других признаков феодального общества и государства, в обществе сохранялись пережитки преведущего общественного строя: трайбалистская структура и родовая идеология. Видный зарубежный представитель этой позиции, – классик японской тюркологии М. Масао, который считает древнетюркские каганаты «феодальными» государствами, в которых имелся антагонизм «... класс богатых скотоводов и враждебный ему класс кочевников» [34, с. 7].

Наглядным примером попытки сблизить первую и третью позиции является известная статья К. А. Акишева об усуньском обществе. Он достаточно убедительно показал факт наличия серьезных социальных отношений, основанных на частной собственности, отчужденность от основной массы общества бюрократического аппарата усуньского государства, которое вело активную политическую игру на хунно-ханьских противоречиях, подчинив этому даже админист-

ративную систему этого, достаточно развитого для своего периода, государственного объединения [28, с. 68]. Основная аргументация снова базируется на сопоставлении усуньских политических институтов с принятыми в теории государства европейскими образцами.

Таким образом, в истории права и государства и гражданская (политическая) отечественная история по многим направлениям продвигались по параллельным путям.

Обе основные позиции являются в основе своей продуктом сопоставления внешних признаков на основе формационной теории. В формационной теории есть рациональное зерно, если выйти за рамки только пяти способов производства и признать самостоятельным номадный способ производства, а в обоснование для такого вывода в исторической науке сделано достаточно много и убедительно находит свое место в общей истории развития человечества государства номадного типа, в том числе древнетюркский каганат. В связи с этим можно поставить под прямую зависимость тип государств с формами господствующего производства и историческими периодами, что в итоге даст многообразие и своеобразие государственных объединений в добуржуазных аграрных обществах. Изложенный выше материал и накопленная научная литература по данному вопросу позволяет нам подойти к вопросу о сущности и содержании того, что представляет собой государство у древних тюрков. Точками соприкосновения взглядов всех правоведов о характере государственной организации общества служат основные признаки государства. Данный аспект не вызывает значительных разногласий. Единство взглядов в научной юридической литературе демонстрируется на таких признаках, (это касается всех типов государств) государства как наличие в обществе публичной власти (а значит публичного права), внутреннего и внешнего суверенитета у власти, который организовал государственное управление в обществе, наличие займов и налогов, наличие органов принуждения и подчинения этой власти, наличие санкционированных государством законов, регулирующих отношения практический во всех областях социальной и политической жизни общества, есть и другие признаки носящие второстепенный характер (государственная символика, памятные даты, политические традиции и т.д.) (35, с. 133–139).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любимов Ю.В.* Проблемы политической интеграции // Государство в истории общества. М., 1998.
2. *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М.: РАГС, 2000. 190 с.
3. *Колдаев В.М.* Государственная власть. М.: МИИТ, 1993. 32 с.
4. *Бутенко А.П.* Власть народа посредством самого народа. М., 1988.
5. *Петров В.С.* Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971.
6. *Сунатаев М.* Культурология и право. М.: ФОРУМ, 1998. С. 156.
7. *G.-C. von Unruh.* Der Staat // Betrachtungen uber Grundlagen und Grenzen der hoheitlichen Gewalt. Wien, Koln, Graz Hermann bohlaus nacht. 1985, 17 p.
8. *Елеманова А.М.* Феномен власти как философская проблема // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1994. №3. С. 82-86.
9. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 1999. 756 с.
10. *Устрялов Н.В.* Понятие о государстве. Харбин: ХЮФ, 1931. «Вестник Китайского права». Отдельный оттиск.
11. Вступление. Сб. Государство в истории общества. М.: Биопфорсервис, 1998. 296 с.
12. *Синицына И.Е.* В мире обычая. М.: Восточная литература, 1997.
13. *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права. М.: Юрист, 1999, 334 с.
14. *Лелюхин Д.Н.* Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблемы структуры древнеиндийского государства. // Государство в истории общества. М.: Биопфорсервис, 1998.
15. Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 2006. С. 119-121.
16. *Мальцев Г.В.* Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов на Дону: СКАГС, 1999. С. 49-50.
17. *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения кочевников в советской исторической литературе // Рукопись депонирована в МНИОН РАН, №29892. Владивосток, 1987. 162 с.
18. *Попов В.Б.* К вопросу о переходных общественных отношениях (специфика и общие закономерности кочевых обществ // Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца. Луганск, 1990. С. 162-164.
19. *Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев: Наука Думка, 1988. 288 с.
20. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк Пресс, 2000.
21. *Абрамзон С.М.* Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. 1970. №6. С. 61-72.
22. *Лащук Л.П.* Историческая структура социальных организмов социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. №4. С. 25-39.
23. *Васильев Л.С.* Феномен власти – собственности //

Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60-99.

24. *Перишц А.И.* Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // СЭ. 1983. №5. С. 59-69.
25. *Луконин В.Г.* Древний и ранний средневековой Иран. М.: Наука, 1987. 295 с.
26. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. М.–Алматы: Социвест-Горизонт, 1995. 320 с.
27. *Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Гылым, 1972. 156 с.
28. *Акишев Н.А.* Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) в I–V вв. н.э. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы–М.: Гылым, 1998. С. 65-71.
29. *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVII вв. Алма-Ата: Гылым, 1969. С. 5-49.
30. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 168 с.
31. *Golden P.B.* // Ethnicity and state formation in pre-cinggisid yurkis Eurasia. Bloomington: Indiana Universiti, 2001. 46 p.
32. *Владимирцев Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 223 с.
33. Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстан в дооктябрьский период. Ташкент: АН УзССР, 1955. 590 с.
34. *Масао М.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии. М.: Наука, 1970. С. 1-8.
35. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М.: проспект, 1999. 756 с.

Резюме

Көшпенді сипаттағы мемлекеттік білімнің туындау үрдісіндегі қоғамда болатын теориялық сұрақтардың аспектілерімен байланысын қарастырамыз. Көшпенді мемлекеттің мәселесін зерделеу 2 әркелкі мәселеге бөлінеді: «мемлекет» және «көшпенділер». Егер тап қазіргі уақытта этнографтар мен тарихшылардың пікірінше, көшпенділік ұғымына анықтама берілсе, онда «мемлекет» сауалы көптеген бағыттар мен аспектілерге бөлінеді. Осы мақала міндеті – «көшпенділік сипаттағы мемлекет» сықылды категориялық және түсіндіру аппараты нысанын зерттеуді анықтау.

Summary

This article deals with theoretical aspects of questions constrained with generation of process of state-making in nomadic societies. Study of problems of nomadic state falls into two pieces: “state” and “nomads”. At present time the problem of nomadism is cleared up but the problem of “state” breaks up to a number of aspects. This article is aimed at defining the concept and categorical apparat of the object of research as “state of nomadic type”.

Актюбинский институт Алматинской академии экономики и статистики Поступила 2.02.07г.